

НЕИЗЛЕЧИМО
ВЛЮБЛЕНЫ

Алёна Скиф

МАША И МЕДВЕДЕВ

ПОСТЕЛЬНЫЙ РЕЖИМ
(НЕ) ПРЕДЛАГАТЬ

Алёна Скиф

Маша и Медведев. Постельный режим (не) предлагать

<https://litres.ru/74213897>

Аннотация

– Если я угадаю, как тебя зовут, ты со мной потанцуешь.

– Но... , – я закусила губу и хмыкнула. А что, я по сути теряю? Он ни за что не угадает как меня зовут. – Хорошо... но, что получу я, если ты проиграешь?

– Любое желание, – пожал плечами Александр, – все что захочешь.

– Любое? – загадочно спросила я и поерзала на стуле, – ну что ж хорошо. Давай поиграем.

Когда после работы и учебы я пошла в ближайший бар отдохнуть, я совсем не ожидала познакомиться там со своим будущим боссом.

Вот только об этом я узнала намного позже, когда утром увидела его в больнице в качестве своего нового куратора.

Блиииииин.... как же так? И что мне теперь делать? Ведь вчера я его бросила и оставила ни с чем.

Книга выходит в рамках литмоба "Неизлечимо влюблены"

История гинеколога Львова Арсения, спустя несколько лет - здесь!

Содержание

1. Давай поиграем в одну игру.	4
2. Меня зовут Александр Медведев	10
Визуализация героев	16
3. Объяснить причину вторжения!	17
4. Маша... вот это ты себя накрутила.	23
5. Зайдите ко мне в кабинет, посмотрим вместе.	29
6. Я выбираю...	35
7. Идеальное завершение идеального утра.	42
8. День рождения. У него?	47
9. Я знаю, что ты можешь все, Маш.	52
10. Дурная голова.	59
11. Я хочу его соблазнить...	63
12. Вы всегда такой... безупречный?	68
13. Ты не перестаёшь меня удивлять, Красавина.	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

1. Давай поиграем в одну игру.

— Такая красotka и одна? Скучаешь? — услышала я бархатный мужской голос за спиной и обернулась. Передо мной стоял незнакомец с харизмой, которая сводит с ума всех девчонок. Его белоснежная улыбка, лёгкая небритость и лукавый блеск в глазах сразу привлекли внимание.

Мужчина был в белой рубашке, которая плотно облегла его мускулистую грудь и плечи. Верхняя пуговица была небрежно расстёгнута, и из-под воротника выглядывала загорелая шея с цепочкой.

Мой взгляд невольно скользнул ниже, и я заметила, что его джинсы плотно обтягивали бёдра, а в самом центре явно что-то выделялось.

— Я не скучаю, а просто отдыхаю. День выдался тяжёлый, — мягко с некоторым безразличием ответила я и отвернулась. Романтические отношения мне сейчас были не нужны, прежних хватило с лихвой. И вообще, у меня работа и учёба. А ещё собаки.

— Может познакомимся, — услышала уже со стороны и удивилась напору. Я вроде ясно дала понять, что разговор окончен, но видимо мой намёк понят не был. — Меня зовут Александр. А тебя как?

— Александр, я не хочу тебя расстраивать, но я уже ухожу, — я сделала последний глоток своего любимого коктейля, по-

ложила на стойку денежку и собралась уйти. Но мне не дали.

Мужчина накрыл мою ладонь своей и посмотрел в глаза.

– Давай поиграем в одну игру, – заигрывающим тоном предложил незнакомец.

– Что? – я нахмурилась и попыталась вытащить ладонь из-под его руки. Но он сжал мои пальцы и улыбнулся.

– Если я угадаю, как тебя зовут, ты со мной потанцуешь.

– Но... , – я закусила губу и хмыкнула. А что, я по сути теряю? Он ни за что не угадает как меня зовут. – Хорошо... но, что получу я, если ты проиграешь?

– Любое желание, – пожал плечами Александр, – все что захочешь.

– Любое? – загадочно спросила я и поерзала на стуле, – ну что ж хорошо. Давай поиграем.

Я еще не знала, чего я хочу от этого мужчины, но решила, что озвучу свое желание, как только выиграю эту игру.

– Еще один коктейль девушке, – Александр махнул рукой бармену и ко мне тут же прилетел новый бокал с коктейлем. Я захлопала ресницами, немного испугавшись того, чем это может обернуться. Ну ладно, была не была. Сегодня сдала один из важных зачётов по общей хирургии, можно и расслабиться.

– Итак..., – загадочно произнесла я и хлопнула в ладоши, – первая попытка.

– Оо, кажется вечер перестаёт быть томным, – он усмехнулся и отпил немного коньяка из своего бокала, – тебя зо-

вут... эммм... Аня?

– Неа, – покачала головой и отпила коктейль. Поправила короткое платье, которое еле прикрывало колени и смахнула волосы за спину. Хлопнула в ладоши и таинственным голосом произнесла, – вторая попытка.

– А ты загадочная и очень симпатичная девушка, – подмигнул мне Александр и подсел ещё ближе. Хотя мы и так сидели довольно близко. Настолько, что я ощущала запах его чистого тела и дорогого парфюма. Это были нотки сандала и кофе.

— Засчитать это за вторую попытку? – подмигнула я и облизала губы. Его кадык дёрнулся и он хмыкнул.

– Прости, погорячился. Исправлюсь, – прошептал мужчина и от этого его голоса мурашки побежали по спине. – Тебя зовут Катя?

– И снова мимо... – хихикнула я и закусив губу, посмотрела на напряженное лицо мужчины, – по-моему мне пора загадывать желание, которое ты решил исполнить, мой джинн!

– Подожди, крошка, – серьезное произнес Александр и сделал глоток из своего стакана, а потом с невероятной скоростью, чмокнул меня в губы, словно лимончиком закусил. Я даже испугаться не успела, как ощутила на губах приятное шоколадное послевкусие, – последний бой будет за мной.

Я усмехнулась и покачала головой, мысленно придумывая, что же мне загадать?

Может ночные покатушки по городу или... что-то эроти-

ческое? Судя по тому, как он резво меня поцеловал, он, наверное, в этом деле мастер. Пока я размышляла, как гром среди ясного неба прозвучало мое имя.

– Маша.

Я резко вынырнула из своих мыслей и уставилась на мужчину. На лице его было написано целая смесь эмоций. От удивления, сомнения, до торжества.

– Что ты сказал?

– Тебя зовут Маша? – он прищурился и выставил палец вперед. – Точно. Маша значит. Хм... это было сложно, но ожидаемо. Запомни, крошка, я всегда выигрываю. Поэтому...

– Как? Как ты узнал? – возмущенно спросила я, все еще не веря в происходящее и в то, что мои желания можно теперь засунуть в дооооолгий ящик.

– Неважно, – повторил он, и его руки, крепкие и уверенные, обхватили мою талию. Легким движением он снял меня со стула, поставив перед собой так близко, что я почувствовала тепло его тела сквозь тонкую ткань рубашки. Его пальцы слегка впились в бока, и от этого прикосновения по спине побежали те самые мурашки, против которых я была бессильна.

– Мы идем танцевать.

Музыка в баре сменилась на медленную, тягучую композицию с томным саксофоном. Александр, не отпуская моей талии, повёл меня в полумрак маленькой танцплощадки.

Мысли путались:

«Нужно уйти. Сейчас же. Это опасно».

Но ноги мне не повиновались. Он притянул меня к себе, и я почувствовала каждый изгиб его тела: широкую грудь, где сильно билось сердце, узкие бёдра и то самое настойчивое «выпирающее» свидетельство его интереса, которое теперь прижалось к моему животу. Отводить взгляд было уже поздно. Я чувствовала всё.

Мы двигались медленно, почти не шевелясь. Его ладонь скользнула с талии ниже, к пояснице, прижимая ещё сильнее.

Щекой я чувствовала лёгкую колючесть его щетины, а в ноздри бил тот самый пьянящий коктейль из сандала, кофе и чистой мужской кожи. От него кружилась голова сильнее, чем от коктейлей.

– Видишь? Я угадал. Теперь ты моя, – прошептал он губами у самого моего уха. Его дыхание обожгло кожу. Я молчала, пытаюсь собрать в кулак рассыпавшуюся волю. Он склонил голову, и его взгляд остановился на моих полуоткрытых от тяжелого дыхания губах. Расстояние между нами неумолимо сокращалось.

Я ждала этого поцелуя.

Боялась его и желала одновременно. Он был логичным продолжением игры, её главным призом... или наказанием. Но в самый последний момент, когда его губы уже почти коснулись моих, я...

Любимые читатели! Рада приветствовать вас в новой истории любви.

Присоединяйтесь, ставьте лайки, добавляйте книгу в библиотеку и оставляйте комментарии!

Ну а мы погнали дальше...

2. Меня зовут Александр Медведев

Но в самый последний момент, когда его губы уже почти коснулись моих, я...

... резко отвернулась. Его поцелуй пришёлся на щёку, обжигающий и влажный.

– Хватит», – выдохнула я, и голос мой прозвучал хрипло и чужо. – Танец окончен. Ты свой приз получил.

Я сделала шаг назад, высвобождаясь из его объятий. На его лице мелькнуло искреннее изумление, быстро сменившееся тенью раздражения.

– Окончен? Милая, он только начинается, – он поймал мою руку, но я дёрнулась с такой силой, что он отпустил. – Давай не будем портить всё капризами. Вечер в разгаре.

– Мой вечер закончился, – твёрдо сказала я, пятясь к выходу. Паника, острый и трезвый адреналин, наконец пробились сквозь чарующий туман. Собаки. Недоученный конспект. Завтрашняя смена в больнице. Реальность навалилась тяжёлым, спасительным грузом. Этот человек, эта игра, этот бар – они были красивой, но опасной сказкой. А у меня была своя, неидеальная, но моя жизнь.

– Маша, подожди! – его голос прозвучал властно и уверенно. Я не обернулась, почти бегом пересекая зал и выскакивая на прохладный ночной воздух.

За моей спиной хлопнула дверь, и я замерла, прислонившись к стене, чтобы перевести дух. Через пару секунд дверь распахнулась снова. Он стоял на пороге, без пиджака, с лицом, на котором читались недоумение и злость.

— Убежать от меня решила? — спросил он, и в его тоне все еще слышалась томная игривость.

— Мне пора домой, — кивнула я, отходя к краю тротуара. — Игра закончена. Ты выиграл танец. Я выиграла... свою свободу. Всё честно.

— Идем. Я подвезу тебя домой, — он достал из кармана ключи от дорогой иномарки, стоявшей у обочины, и брелок коротко мигнул огоньками. — К себе... Или к тебе. Куда захочешь. Давай не заканчивать такой чудесный вечер на полутоне.

Он подошел ближе, и в его глазах снова зажглись те самые хищные искорки, которые так сводили с ума менее разумных девушек. Он был уверен, что это лишь кокетство. Еще минута — и я «растаю».

Мысль об утреннем обходе, о хирурге Львове, который терпеть не мог опозданий и любил задавать каверзные вопросы по ночным историям болезней, ударила по сознанию как ушат ледяной воды. Это была не просто обязанность. Это была моя жизнь, моя стезя, куда важнее любого мимолетного приключения с самоуверенным красавчиком.

Я посмотрела на его протянутую руку, на его ожидающую улыбку, и вдруг мне стало почти жаль его. Такой красивый,

такой уверенный в своей победе. И такой непроходимо глупый в этой уверенности.

Идея, острая и дерзкая, пронзила мозг, как скальпель. Я улыбнулась – не той сдержанной улыбкой, что была раньше, а широко, почти вызывающе.

– Знаешь что, Александр... Ты действительно харизматичный. И настойчивый. Это... ценно, – сказала я, делая шаг навстречу, а не от него. Его взгляд вспыхнул торжеством. Он думал, что сломал мою защиту.

Я сунула руку в карман легкого пальто, будто что-то ища.

– Давай сыграем в последнюю игру. На удачу.

Я достала блокнотик для записей и ручку – верные спутники студента-медика.

– Что за игра? – заинтересованно приподнял он бровь и мягко убрал прядь волос с моего лица. Я отпрянула от такого дерзкого и неуместного интимного жеста.

– Я оставляю тебе свой номер. Вот только там одна цифра будет неправильной. Если повезет – и ты угадаешь ее, и я отвечу. Значит судьба. Если нет... значит, нам не по пути.

Я быстро, с наигранной таинственностью, что-то нацарапала на маленьком розовом стикере, свернула его и протянула ему.

Он взял бумажку, и его пальцы ненадолго сомкнулись вокруг моих. В его глазах читался азарт. Он любил игры. А эта казалась ему новой уловкой, частью нашего танца.

– Ты сумасшедшая! Вариантов так много, что я никогда не

угадаю твой номер. Это не похоже на честную игру, скорее на шутку.

– Верно, – сказала я тихо, выдергивая руку. – Это не игра. Это мой ответ. Ты хотел танец – ты его получил. Хотел загадку – вот она. Доброй ночи, Александр.

Я развернулась и пошла прочь быстрым шагом, нащупывая в сумочке телефон, чтобы вызвать такси. Я не оборачивалась, но спиной чувствовала его взгляд — тяжёлый, обожжённый обидой и недоумением.

Я проснулась от яростного визга будильника с ощущением, что голова вот-вот расколется пополам. Вчерашний коктейль и адреналин аукнулись тупой болью в висках. Выпив таблетку и быстро приняв душ, я влетела в автобус, молясь, чтобы не опоздать на утренний обход.

В раздевалке отделения общей хирургии пахло антисептиком и свежевыглаженной тканью. Наспех накинув белый халат, я присоединилась к сонным студентам, собравшимся в коридоре.

У ординаторской уже собралась толпа молодых ординаторов. Царила нервная, приглушённая тишина. Старый добродушный куратор уехал на конференцию, и ходили слухи о временной замене — каком-то «звездном» хирурге из частной клиники.

Дверь ординаторской открылась.

– Доброе утро, – раздался голос, ледяной, отточенный и не

оставляющий места для сомнений в том, кто здесь главный.

Мой взгляд поднялся, и мир вокруг замер.

Перед нами стоял Александр, мой вчерашний поклонник.

Он был одет в белоснежный халат, под которым виднелся безупречный крой дорогой рубашки. Взгляд его был холодным и оценивающим, без тени вчерашней игривости. В нем читалась лишь профессиональная строгость. Это был уже не просто Александр, а Александр Алексеевич Медведев — хирург общей практики и наш куратор.

Он бегло, как скальпелем, провёл взглядом по нашей шере, задерживаясь на бледных лицах, невыспавшихся глазах. Его речь была чёткой, как протокол операции.

– Меня зовут Александр Медведев. На ближайший месяц я ваш куратор. Я терпеть не могу самодовольства, опозданий и глупых вопросов. Ваша работа – учиться, моя – следить, чтобы вы это делали безупречно. Первое, что нужно выучить на моих обходах это не болтать, не переминаться с ноги на ногу и думать, прежде чем открыть рот. Всё ясно?

В горле пересохло. Кровь отлила от лица, оставив звенящую пустоту в ушах. Я старалась раствориться в толчее белых халатов, сделать лицо каменным. Он медленно шёл вдоль строя, сверяя что-то в планшете, отдавая тихие распоряжения медсестре, следующей за ним хвостиком.

И вот он остановился прямо напротив меня. Его взгляд, холодный и пронзительный, скользнул по моему лицу, задержался на моих широко раскрытых глазах. На его непроница-

емом лице ничего не дрогнуло. Никакого узнавания. Только тонкая, едва уловимая усмешка тронула уголок его строгого рта — настолько мимолётная, что я могла принять её за игру света.

— А студентка... — он остановился, будто подбирая слова, и его голос стал тише, как будто он говорил только для меня. — Не советую появляться с таким потерянным выражением лица во время моего обхода. Вы что, не выспались или гуляли всю ночь?

— Я...

— Надеюсь, вы изучили историю болезней пациентов, иначе можете собирать вещи и переводиться в другое отделение.

Визуализация героев

Дорогие мои, пришло время познакомиться с нашими героями!

Мария Красавина, 23 года, врач-ординатор.

Живет одна в съемной квартире. Есть бабушка и десятилетняя сестра, которые живут в другом городе.

Александр Алексеевич Медведев, 35 лет. Врач-хирург, куратор группы ординаторов.

Холост, был женат, детей нет. Обожает женщин и не пропускает ни одной юбки.

Будем перевоспитывать!

Не забывайте ставить лайки, добавлять книгу в библиотеку и подписываться на меня!

3. Объяснить причину вторжения!

В другое отделение? Что? Да он сошел с ума!

Слова застряли у меня в горле комом. Медведев кивнул, дав команду к движению, и наш поток ринулся за его белым халатом. Так началась наша личная маленькая бойня

Александр Алексеевич Медведев не просто стал моим куратором. Он стал моим персональным испытанием, причём с явным уклоном в садизм под соусом профессионального роста. Каждый его обход превращался для меня в квест на выживание.

– Студентка Красавина, к больному в седьмую палату. Хроническая язва, осложнённая стенозом. Ваши рекомендации? – его голос, холодный и ровный, прорезал воздух в самый неподходящий момент.

Весь наш студенческий «строй» замер. Все взгляды, полные смеси страха и любопытства, устремились на меня. У меня в ушах зазвенело от внезапного прилива адреналина.

Я сделала шаг вперёд, чувствуя, как от волнения вспотела спина и майка намертво прилипла к коже. Соберись, Маша.

Глубоко вдохнула, что закружилась голова, и заговорила, цепляясь за вызубренные до автоматизма фразы.

— Нужно срочно обследовать пищевод, чтобы понять, насколько он сузился и можно ли его расширить, – начала я, и голос прозвучал странно чужим. – Параллельно – капель-

ницы, чтобы восстановить баланс жидкости. И снизить кислотность желудка, например, омепразолом. Контролировать анализы крови, сделать УЗИ. Если за два дня не станет лучше – готовить к операции.

Я закончила и едва заметно выдохнула, встретившись с его взглядом. В глубине его холодных, серо-стальных глаз что-то мелькнуло. Мда... это было не одобрение. Скорее... оценка. Как будто я сдала базовый тест.

— Верно, – произнёс он. И сделал паузу. Такая крошечная, но смертельная пауза, в которой моё сердце успело взметнуться к самому горлу. – Технически.

Это слово он произнёс с особой, леденящей интонацией. От неё по спине побежали не мурашки, а лёд. Он медленно обвёл взглядом нашу группу, делая из меня наглядное пособие для всех.

— А где ваша голова, студентка Красавина? – спросил он, и его голос стал тише, но от этого только опаснее. – Вы лечите болезнь или живого человека? Этому пациенту – шестьдесят восемь. У него сахарный диабет и больное сердце. Как ваши капельницы и таблетки подействуют на его почки? На его сосуды? Вы уверены, что у него нет аллергии на ваш безупречный омепразол? Вы вообще смотрели его полную карту или просто выдали то, что написано в учебнике для идеального больного, которого не существует?

Каждое его слово било точно в цель, как удар скальпеля. Щеки горели, а глаза застилала злость и стыд. Я знала про

диабет, но в панике сказала первое, что пришло в голову, а не то, что нужно было обдумать. Это и был его урок. Жесткий, при всех, но он показал, чего я боюсь больше всего – ошибиться.

Он не дал мне опомниться.

Следующим пациентом стала пожилая женщина после сложной операции на кишечнике. Потом – молодой парень с острым панкреатитом. Каждый раз – я, протокол, и его ледяное «технически верно», после которого следовал разбор моих ошибок, невидимых мне, но очевидных ему. К обеду у меня от напряжения болела спина и звенело в ушах. Он словно проверял меня на прочность, сбрасывая со скалы, чтобы посмотреть, отскочу ли я.

Апогеем этого кошмара стал день, когда я едва не убила пациента. Вернее, так это выглядело со стороны.

Я мчалась из лаборатории с экстренными анализами для реанимации, не видя ничего перед собой. Из-за поворота, вдруг появился мой бывший... эммм... гинеколог. Точнее, этого гениального врача, к которому очередь женщины занимали на год вперед звали Львов Арсений и мы с ним встречались целый месяц. Пока я не поняла, что я у него не единственная. Он встречался одновременно с тремя девушками. С двумя с нашего потока и с одной врачихой с его этажа.

Чтобы избежать лобового столкновения (и, возможно, смертного приговора, учитывая как я его бросила, он до сих пор точил на меня зуб), я резко рванула в сторону и влетела

в первую же открытую дверь.

Дверь захлопнулась.

Я, тяжело дыша, облокотилась на неё, прижимая к груди драгоценные пробирки. И только потом до меня дошло, где я оказалась.

Это был незнакомый мне кабинет. Маленький, аскетичный, заваленный бумагами и дисками с КТ. И в его центре стоял ОН. Нет. Только не он. Не может быть.

Вот сегодня точно не мой день.

Передо мной стоял Александр Алексеевич Медведев. Мой куратор и палач.

Без халата. Без рубашки.

Хорошо хоть в брюках.

Он только что, видимо, менял её — чистая, выглаженная, лежала на стуле. Его торс, который в баре я лишь смутно угадывала под тканью, теперь был передо мной во всей своей... клинической подробности. Широкие плечи, рельефный пресс, мощная грудная клетка — всё то, от чего у «девчонок сходила с ума харизма», оказалось не просто удачным кроем рубашки. Это была работа в спортзале, причём явно не для галочки. На его загорелой коже поблёскивала та самая цепочка.

Мы замерли. В тишине кабинета было слышно только тиканье часов и моё предательски учащённое дыхание. Я почувствовала, как по лицу разливается густой, пунцовый румянец, сгорая от стыда и неловкости.

Он не спеша повернулся ко мне. Ни тени смущения. Только всё та же холодная оценка в глазах, которая теперь скользнула по моей фигуре в помятом халате, по моему раскрасневшемуся лицу, и в его глазах промелькнула искорка. Та самая. Барная. Опасная.

— Красавина, — произнёс он своим обычным, ровным голосом, будто мы обсуждали историю болезни. — Первое правило при посещении кабинета старшего ординатора — постучаться. Или вы пропустили эту лекцию по этикету?

Я открыла рот, но звук не шёл. Только тихое, позорное мычание.

— Второе правило, — он сделал шаг ближе, и я невольно прижалась спиной к двери. Но в тесном кабинете он казался огромным. От него пахло не сандалом и кофе, а чистым телом и антисептиком. — Объяснить причину вторжения. У вас есть три секунды. Или я начну строить догадки. А моя фантазия, поверьте, после двенадцатичасовой смены бывает очень... живой.

Его губы дрогнули в намёке на ту самую улыбку, что была в баре. Насмешливую, уверенную и невероятно раздражающую. В моих руках звякнули пробирки.

— А-анализы! Для Соколовой в реанимацию! — выпалила я, протягивая их перед собой, как святой Грааль, способный защитить от этой нелепой ситуации. — Я... я просто... дверь была открыта!

Он медленно, слишком медленно, протянул руку и взял

у меня пробирки. Его пальцы, тёплые и уверенные, на мгновение коснулись моих холодных. От этого прикосновения по спине пробежал разряд.

— Принято к сведению, — сказал он, наконец отступая и давая дорогу к выходу. — А теперь, пункт третий: испариться. И, Красавина... в следующий раз дышите тише. Вы мне весь рабочий ритм сбиваете. А у меня, между прочим, ещё одна операция через полчаса.

— Операция! Соколова! Можно я...

— Нет! — Резко ответил он и отвернулся, — вы не будете мне ассистировать.

4. Маша... вот это ты себя накрутила.

Я выскочила из кабинета, чувствуя, как жар со щёк спадает, оставляя после себя ледяное унижение.

«Вы не будете мне ассистировать».

Эти слова звенели в ушах громче любого будильника. Я бежала и старалась, очень старалась, чтобы слезы не брызнули из глаз. Мне было безумно горько и обидно. Я была одной из лучших в нашей группе и до этого Медведева, хирурги меня постоянно брали на операции.

А этот! Этот сноб, этот гад, – я не додумала мысль и остановилась как вкопанная. Резко развернулась и посмотрела на длинный белоснежный коридор. Где-то там в своей ординаторской этот судак надевал рубашка на идеально сложенное тело и скорее всего смеялся надо мной. Вот же... похоже это была месть за вчерашний вечер.

Да... Маша... вот это ты себя накрутила.

Через час, выглядывая из-за угла, я увидела, как он вместе с Васильевым — тем самым ординатором, который на экзамене по топографической анатомии перепул печень с селезёнкой – уверенной походкой направился в сторону операционных. У меня в груди что-то ёкнуло от обиды. Несправедливо. Глупо. По-детски.

Я сжала кулаки, вздернула подбородок и направилась в сторону общей ординаторской.

Я провела вечер, зарывшись в истории болезней, пытаюсь заглушить это чувство обиды и несправедливости.

Но ночью больница живёт по своим законам. В два часа прозвенел телефон дежурной медсестры.

— Красавина, срочно в первую операционную! Привезли острый аппендицит с признаками начинающегося перитонита. Медведев уже там, ему срочно нужна пара рук, все остальные заняты!

Сердце ушло в пятки, а потом запрыгнуло в горло. Я сорвалась с места.

В операционной царила привычная стерильная прохлада и яркий свет. Пациент уже был под наркозом. Медведев, в стерильном халате и маске, стоял у стола. Его глаза над маской были такими же холодными и сосредоточенными.

— Наконец-то, — бросил он, не глядя на меня. — Анти-септик для рук, быстрее. Васильева стошнило обедом, лежит в палате под капельницей. Ирония судьбы, не находишь?

Я ничего не ответила, но мысленно возблагодарила тетю Катю из столовой за превосходный обед, на который я не успела.

Я молча начала готовиться, дрожащими от волнения пальцами натягивая перчатки. В операционной, кроме звуков аппаратуры, царила напряжённая тишина, которую нарушал только ровный гул вентиляции. Пациент лежал с закрытыми

глазами, его лицо было бледным, но... знакомым. Очень знакомым. Я присмотрелась, и сердце ёкнуло.

Это был Витька. Мой сосед. Вечно пьяный металлист, чьи ночные репетиции с группой «Цементный Рассвет» сводили с ума весь подъезд. Тот самый Витька, который пару недель назад угрожал «врезать», когда я в очередной раз попросила сделать потише в три часа ночи. Ирония судьбы была настолько густой, что её можно было резать скальпелем.

Медведев заметил мою заторможенность.

— Красавина, вы с нами? Или уже мечтаете о сне?

— Это... мой сосед, – пробормотала я, отводя взгляд от знакомого лица.

— О, – произнёс он, и в его голосе послышалась лёгкая, ехидная заинтересованность. – Личные счёты? Надеюсь, это не повлияет на качество ассистирования.

— Нет, что вы, – поспешно ответила я, чувствуя, как под маской горит лицо.

Операция началась.

Медведев работал с убийственной точностью и скоростью. Его команды звучали коротко, как выстрелы. В операционной царила тишина, нарушаемая лишь тиканьем аппаратов, его спокойным дыханием и моим, участившимся от сосредоточенности.

И вот, в момент, когда он аккуратно выделял воспалённый аппендикс, случилось нечто неожиданное. Медведев, не

отрывая взгляда от операционного поля, слегка повернул голову к медсестре.

– Сестра, включите что-нибудь... соответствующее. Чтобы студентка не заскучала.

Медсестра, выглядевшая ошарашенной, неуверенно потянулась к небольшой колонке, подключённой к её телефону (для личного пользования в перерывах, что, конечно, было не по протоколу).

— Что включить, Александр Алексеевич? – тихо спросила она.

— Что-нибудь... тяжёлое. Металл, например.

В операционной повисла недоуменная пауза. Анестезиолог поднял бровь. Медсестра, пожимая плечами, что-то быстро нашла на своём телефоне. Через секунду из колонки полилась та самая, до боли знакомая музыка – хриплый вокал, грохочущие гитары, бьющие в литавры. «Цементный Рассвет». Любимая группа Витьки.

Я замерла с зажимом в руке.

— По-моему неплохая музыка, как вы считаете? – спросил Медведев своим ровным, ледяным голосом, накладывая лигатуру. – Ваш сосед, я полагаю, оценил бы. Зажим.

Я подавала инструмент, пытаюсь не смотреть в его глаза, в которых, я была уверена, горела та самая насмешливая искра.

– Мне не нравится.

– Почему? Вы любите другую музыку? – продолжал он,

делая следующий шаг. Его голос звучал серьезно, но в нем была скрытая насмешка. — Интересно, есть ли связь между тем, какую музыку любит человек, и состоянием его аппендикса? Лигатуру.

Я подавала ему инструменты, а в ушах гремели гитары. Это было абсурдно и невыносимо смешно.

— Накладываем швы, — объявил он, когда дело дошло до завершающего этапа. В музыке как раз наступил пронзительный гитарный проигрыш. — Постараюсь, чтобы шов был гармоничнее этого соло. Хотя задача, признаю, сложная.

Когда операция была завершена, он отступил от стола и кивнул медсестре. Музыка выключилась. Наступила оглушительная, блаженная тишина.

— Всё, — сказал Медведев, снимая перчатки. — Надеюсь, саундтрек соответствовал случаю. Думаю, ваш сосед будет благодарен вам за спасенную жизнь и отстанет от вас. Иначе я верну ему его аппендикс... в самое неожиданное место, — наклонился и его дыхание коснулась мочки моего уха.

Я улыбнулась, понимая, что этот черный юмор останется в этих стенах... между нами.

Его взгляд, тяжёлый и неумолимый, скользнул по моему лицу, задержался на губах, спустился к вороту халата, который от волнения расстегнулся чуть больше, чем нужно. Он снова посмотрел мне в глаза, и в его взгляде я прочла не вызов хирурга к студентке, а вызов мужчины к женщине. Тот самый, с того самого вечера... в баре.

— Завтра на обходе, – сказал он, отступая и разрывая это невыносимое напряжение. – Будем разбирать... послеоперационные осложнения. Самые неожиданные. Приготовьтесь. А теперь идите и отдыхайте.

Хорошие мои, позвольте порекомендовать вам новинку нашего Литмоба!

Хирург. Хроническая любовь

<https://litnet.com/shrt/TOuh>

Его считают блестящим хирургом, а я вижу в нем только ледяную глыбу с хирургическим скальпелем вместо сердца.

 Максим Дружинин – мой новый босс и человек, которого я должна ненавидеть за высокомерие. Но каждый раз, когда наши взгляды встречаются, меня накрывает безумное чувство дежавю. Он смотрит на меня так, словно я – его самая старая рана, которая внезапно начала кровоточить.

 В больничном серпентарии на меня уже объявили охоту, но я не боюсь их яда.

 Я боюсь только одного: понять, почему этот холодный гений знает обо мне больше, чем я сама.

5. Зайдите ко мне в кабинет, посмотрим вместе.

Я вползла на старый потёртый диван в дальнем углу ординаторской, прижавшись лицом к прохладной, пахнущей пылью ткани. Здесь обычно кипели страсти по футболу, а сейчас царила блаженная пустота. Веки налились свинцом. Последнее, что я помнила – звук собственного тяжёлого выдоха и далёкий гул холодильников в коридоре.

Меня вырвал из сна резкий толчок в плечо, заставивший вздрогнуть всем телом.

— Маш! Эй, Спящая красавица! Ты жива? – Надо мной склонилось встревоженное лицо моей одногруппницы Ани, её карие глаза были широко раскрыты. – Подъём, срочно! Ты что тут впала в кому? Обход через пять минут! Медведев уже вышел из кабинета и выглядит... ну, сама знаешь как!

Я вскочила так резко, что мир поплыл. Сердце забилось где-то в горле, сухо и часто. Голова была тяжёлой, ватной, мысли путались, накладываясь одна на другую, как бессмысленные слайды.

— Что... который час? – проронила я хрипло, наскоро поправляя съехавший набок халат и пытаясь сгрести растрёпанные волосы в подобие хвоста.

— Без пяти восемь! Бежим! – Аня схватила меня за рукав

и потащила в коридор. Мои ноги заплетались, будто после марафона.

Медведев уже вёл обход, окружённый плотным полукругом студентов. Его голос, ровный и отточенный, как хирургический инструмент, резал утреннюю тишину отделения.

— ...следовательно, при таких показателях мы смещаем акцент...

Увидев нас, подбегających запыхавшихся, он на долю секунды прервался. Его взгляд скользнул по Ане, а затем по мне — быстрый, холодный, абсолютно пустой. Будто вчерашнего взгляда, прожигавшего меня насквозь, и не было. Будто того полумрака операционной, того шёпота у уха — никогда не существовало. В груди что-то болезненно сжалось.

— ...Итак, продолжим, — он вернулся к группе, будто ничего не заметил. — Пациент в четвёртой палате. Состояние после лапароскопической холецистэктомии. Кто назовёт три ключевых послеоперационных риска, на которые мы обращаем внимание в первые двадцать четыре часа?

Мозг, наконец, прошибло адреналином. Я знала это. Знала блестяще. Внутри вспыхнул знакомый азарт — чёткий, ясный, спасительный.

Сейчас. Сейчас я покажу ему, что я знаю.

Я уверенно подняла руку, поймав его взгляд. Нет, не поймав. Он просто прошёл сквозь меня, как сквозь пылинку в воздухе, и остановился на Ане, которая скромно стояла сзади, переминаясь с ноги на ногу.

— Анна... Карпова, – произнёс он и сощурился глядя сквозь меня на мою подругу, и его голос... смягчился. В нём появились низкие, бархатные нотки, которых я никогда не слышала, обращёнными к себе. – Давайте послушаем вас. С чего мы начнём?

Аня вздрогнула, словно её толкнули.

— Э-э... Кровотечение... тромбоэмболические осложнения... и... эм... инфицирование послеоперационной раны? – выдавила она, превратив утверждение в вопрос.

Медведев кивнул, и на его губах появилась лёгкая, одобрительная полуулыбка. Такая простая. Такая обычная. От неё внутри у меня всё похолодело.

— Верно. Но давайте уточним – какие именно признаки кровотечения нас должны насторожить в первую очередь?

Следующий вопрос висел в воздухе.

Я снова подняла руку, выше, чётко. Готовая рассказать все про тахикардию, падение давления и притупление перкуторного звука в отлогах местах живота.

Его взгляд, намеренный и медленный, снова проигнорировал меня. Он слегка наклонился к Ане, сократив расстояние между ними.

— Анна? Не томите уже.

— Слабость... головокружение? Бледность? — залепетала она, плохо зная ответ на его вопрос.

— Хорошо, – он сказал это так, будто она только что решила сложнейшую теорему. – Это общие симптомы. А спе-

цифические? – Он подсказывал ей, мягко, почти игриво, его плечо иногда почти касалось её плеча. Он флиртовал. Прямо здесь, среди запахов антисептика и лекарств, под табличками с фамилиями больных. Со своей студенткой. С моей подругой.

А я стояла.

Рука, которую я поднимала, постепенно, предательски, опускалась сама собой, будто кисть наливалась свинцом. Обида подступила к горлу горячим, едким комом, смешиваясь с полным, оглушающим недоумением.

Вчера его взгляд был раскалённым металлом. Сегодня я была для него воздухом. Пустым местом. Фоном.

Обход завершался у палаты Витьки. Мой сосед храпел, раскинувшись, его лицо в свете утреннего солнца казалось почти мирным. Медведев бегло, одним взглядом, оценил графики на доске, что-то отметил в электронном планшете и развернулся к группе.

— На сегодня достаточно. Спасибо всем, – его голос снова стал строгим, но потом стал более дружелюбным, обращаясь только к одному человеку.

– Анна, у меня есть пара... интересных гистологических снимков от вчерашней операции. Если у вас будет время после – зайдите ко мне в кабинет, посмотрим вместе. Буду рад услышать именно ваше мнение.

Он сделал общий кивок.

Его взгляд на мгновение пересекся с моим — в нем не

было насмешки. Лишь тлеющий огонь и вызов. Казалось, он хотел сказать, что вчерашнее больше не имеет значения. Затем он развернулся и ушел, его белый халат развевался за ним, а шаги гулко разносились по кафельному полу.

Я стояла, вцепившись пальцами в папку с историями болезней так, что костяшки побелели. Щёки горели уже не от стыда, а от унижительной, детской, бессильной досады.

Аня обернулась ко мне. Её лицо было красно от смущения.

— Маш... Ты как? Что это было? Я... я даже не знала, что отвечать... —

Её голос звучал искренне растерянно. И от этого стало ещё гаже. — Думала сейчас посыплюсь. Чего он ко мне привязался-то?

— Не знаю, — прошептала я, с трудом разжимая челюсти и глотая противный ком в горле. Голос звучал чужим и плоским. — Похоже, он и правда хочет показать тебе пару снимков.

Я быстро отвернулась от неё и ушла, не в силах вынести её виноватый взгляд или своё чувство унижения. Или поражения. Похоже, Медведев просто перестал меня замечать. И самое ужасное было в том, что это равнодушие ранило меня сильнее, чем любые его колкости или тот холодный, пристальный взгляд.

Хорошие мои, еще одна новиночка нашего Литмо-

ба!
 Болезненный развод. Исцеление любовью
<https://litnet.com/shrt/5m2w>

6. Я выбираю...

На следующий день я решила, что буду действовать иначе.

Если Медведев решил играть в молчанку и делать вид, что меня не существует, я заставлю его заметить себя. Любой ценой.

Первой жертвой стал кофе. Я узнала, что Медведь пьёт его чёрным, без сахара, и всегда берёт в ординаторской в 10:30. Я уже стояла у кофемашины с пустым стаканчиком, когда он появился на пороге, разговаривая с медсестрой.

Сердце заколотилось. Я сделала вид, что потянулась за салфетками, и локтем аккуратно задела его руку, когда он уже подносил стакан ко рту. Горячая жидкость выплеснулась ему на белоснежный халат и рубашку, оставив тёмно-коричневое пятно.

— Ой! Простите, Александр Алексеевич! – воскликнула я с максимально невинным выражением лица. – Я такая неловкая.

Он резко отдернул руку, на его лице на секунду мелькнуло раздражение, но тут же сменилось холодной маской. Он посмотрел на пятно, потом на меня. В его глазах не было гнева, лишь понимание. И какая-то... усталая насмешка.

— Не беда, Красавина. С кем не бывает, – сказал он ровно, снимая халат. – Главное, что вы не обожглись. Бегите по своим делам.

Он не стал его оттирать. Просто развернулся и пошел в сторону своего кабинета. Медсестра бросила на меня осуждающий взгляд.

Хм... я посмотрела ему вслед и поняла, что этого мало. Мне нужна была катастрофа, чтобы этот напыщенный индюк взорвался.

Следующая попытка была в столовой.

Он сидел один за столиком с тарелкой супа. Я, проходя мимо с подносом, на котором стоял компот и котлета, «случайно» зацепилась ногой за ножку его стула. Я не упала. Но поднос с характерным грохотом выскользнул из рук и приземлился прямоком на его стол. Компот рекой разлился по его документам, котлета шлёпнулась рядом с тарелкой, рассыпав по скатерти рис.

В столовой на секунду воцарилась тишина. Я застыла, изображая шок.

— О боже... я... я такая неуклюжая! – повторила я свою мантру, чувствуя, как по спине ползёт краска настоящего стыда. Это было уже слишком.

Медведев медленно отодвинулся от стола. Он посмотрел на залитые компотом бумаги, на котлету, на моё виноватое лицо. Щёки у него слегка втянулись. Он что-то понял. Не просто понял – разгадал. Он встал.

— Успокойтесь, студентка Красавина, – сказал он громко, на весь зал. Его голос был твёрдым, но без крика. – Материальный ущерб возместит больница. Главное – вы не поре-

зались. — Он вытер руки салфеткой и взглянул на меня так пристально, что мне захотелось провалиться сквозь пол. — Вам, кажется, пора на процедуры. Идите.

И снова — никакого взрыва. Только эта ледяная, всепони-
мающая выдержка, которая сводила меня с ума.

В течение дня я «случайно» уронила стопку свежих журналов с анализами, когда он проходил мимо, и чуть не сбила его с ног, вылетая из лифта. Каждый раз он лишь смотрел на меня, его взгляд становился всё тяжелее, всё более пронизывающим. Он не ругался. Не повышал голос. Он просто смотрел, крепко сжав зубы и медленно-медленно покрывался красными пятнами. И в этом взгляде я начинала читать не гнев, а вопрос. И что-то ещё, от чего сердце начинало колотиться по-другому.

Смена подходила к концу. Я, измотанная собственным са-
ботажем и его непробиваемым спокойствием, собирала вещи в раздевалке. Мне хотелось только одного — домой, в тишину, подальше от его всевидящих глаз.

Я вышла на крыльцо больницы. Вечерний воздух был про-
хладным и влажным. Я закуталась в лёгкое пальто и потяну-
лась к телефону, чтобы посмотреть время.

— Красавина.

Голос раздался прямо за спиной. Низкий, узнаваемый. Я обернулась. Медведев стоял в нескольких шагах, без халата, в том самом тёмном пиджаке, в котором я видела его в баре. На его рубашке, если приглядеться, угадывалось едва замет-

ное пятно от утреннего кофе.

— Хочешь подвезу, — сказал он просто. Его взгляд был тёмным и неумолимым. — Кажется, у нас есть о чём поговорить. Или вы планируете продолжить свой... перформанс завтра с утра?

В его тоне не было ни насмешки, ни злости. Была усталость и какое-то железное терпение.

Я посмотрела на него, на его машину, стоявшую у обочины. Вспомнила тот вечер, ту же самую сцену. Только теперь игра велась по его правилам.

Я медленно, очень медленно, покачала головой. Потом приподняла подбородок, посмотрела ему прямо в глаза и улыбнулась самой невинной, самой сладкой улыбкой, на которую была способна.

— Спасибо, Александр Алексеевич. Но нет. Я, кажется, уже научилась избегать... опасных поездок. Доброй ночи.

Медведев не сдвинулся с места. Он слегка наклонил голову и внимательно посмотрел на меня, как будто хотел понять, о чем я думаю, и убедиться, что он прав в своих предположениях.

— Опасных? — повторил он, и в углу его губ дрогнула тень улыбки. — Интересная формулировка. Чем, по-вашему, опасна моя машина? Плохой подвеской? Или водителем?

— Водителем, — выпалила я, не думая, и тут же внутренне поморщилась от своей же прямоты.

Его брови чуть приподнялись. Казалось, этот ответ его да-

же обрадовал.

— Понятно. Значит, дело не в супе и не в кофе. А в том, что я вчера утром я говорил с Анной, а не с вами.

Он произнёс это настолько спокойно, настолько точно в цель, что у меня на мгновение перехватило дыхание. Он всё видел. Всё понимал. И теперь наблюдал за моей реакцией, как за интересным клиническим случаем.

— Не понимаю, о чём это вы, – пробормотала я, отводя взгляд в сторону, к огням проезжающих машин.

— Не понимаете? – Он сделал шаг вперёд, и расстояние между нами снова стало невыносимо малым. От него пахло тем же парфюмом, что и тогда, в баре, но теперь запах был приглушён запахом больницы и... чем-то ещё, сугубо его, личным. – Тогда позвольте мне прояснить. Сегодняшние ваши... упражнения с кофе, обедом и лифтом были невероятно увлекательны. Особенно для студентки, чьи руки на операции были такими уверенными. Это что, новая форма протеста? Или, может быть, привлечения внимания?

— Я не пыталась привлечь ваше внимание! – вырвалось у меня, и голос прозвучал слишком резко, слишком по-детски.

— Нет? – Он мягко переспросил, и в его глазах вспыхнул тот самый, опасный огонёк. – Тогда что это было, Маша? Потому что это было очень лично. И очень... эмоционально.

Он назвал меня по имени. Впервые. Не «Красавина», не «студентка». Просто – Маша. От этого простого слова по спине побежали мурашки.

Я закусила губу, не находя, что сказать. Все мои дурацкие планы рассыпались в прах перед его спокойной, всевидящей логикой.

— Я... я просто неловкая.

— Вы неловкая? – Он рассмеялся. Коротко, беззвучно. – Вы, которая вчера ночью подавала мне инструменты в такт грому из колонки? Ту, которая знает протоколы лучше иных ординаторов? Не верю. Вы слишком хороший хирург для такой плохой актрисы.

«Вы слишком хороший хирург».

От этой фразы внутри всё перевернулось.

— Итак, – продолжил он, и его голос снова стал деловым, но в нём теперь читалось твёрдое решение. – У нас два варианта. Первый: вы продолжаете эту... комедию. И тогда завтра я передам вас на кураторство Воронову. Он, как я слышал, очень ценит дисциплину. Второй: вы садитесь в машину, и мы едем. Без игр. Без саботажа. И говорим, наконец, как взрослые люди. Что выбираешь, Маша?

Я сделала глубокий вдох, ощущая, как холодный вечерний воздух обжигает лёгкие.

— Я выбираю автобусы, – тихо сказала я и развернувшись пошла в сторону автобусной остановки.

Хорошие мои, ловите еще одну новинку нашего Литмоба!

Укрощение строптивого доктора

<https://litnet.com/shrt/wXCB>

7. Идеальное завершение идеального утра.

На следующее утро я безбожно проспала. Будильник, заведённый на шесть утра, прозвенел впустую. Несколько раз... он пытался меня разбудить, но все зря. Видимо, разбудить меня в тот момент мог бы только мужчина. Привлекательный, красивый... м-м-м.

Когда я открыла глаза, на часах было уже без двадцати восемь. Паника, холодная и цепкая, сдавила горло.

Медведев.

Утренний обход.

Его ледяное лицо, если я опоздаю и последующие санкции, которые затянуться на весь день.

Я вскочила, натянула первое, что попало под руку, и вылетела из квартиры, даже не заварив кофе. Хорошо, хоть зубы успела почистить. В автобусе, я причесалась и успела накрасить глаза и губы. Ничего странного, все девушки так делают.

Путь до больницы превратился в спринт.

Я влетела в главные двери, запыхавшаяся, с растрепанными волосами. Вдалеке, у лифтов, я увидела, как створки начинают медленно закрываться. Внутри мелькнула фигура в белом халате.

— Подождите! – крикнула я, прибавив скорость. – Не уезжайте! Придержите двери, пожалуйста!

Створки лифта дрогнули и разъехались с недовольным шипением. Я запрыгнула внутрь, едва успев. Двери захлопнулись за моей спиной. И только сейчас я поняла, кто был передо мной.

Тишина. Гул механизма или это так стучит мое сердце видя перед собой Александра Алексеевича Медведева. В лифте, пропитанном запахом антисептиков и стали он был один.

Мы стояли по разные стороны кабины, не глядя друг на друга. Напряжение висело в воздухе гуще смога. Он нажал кнопку нужного этажа. Лифт тронулся, подрагивая.

— Опаздываете, Красавина, — произнёс он без эмоций, посмотрев на часы на руки.

— Пробки и будильник... гад, – буркнула я в ответ, прижимая к груди сумку.

— Как удобно. Вчера – автобус. Сегодня – будильник. Завтра, полагаю, виноваты будут инопланетяне?

Я резко повернулась к нему.

— А вам-то какая разница? Передадите Воронову и забудете обо мне, как страшный сон.

Он тоже повернул голову. Его глаза были холодными, но в них прыгали какие-то искры.

— Разница в том, что я терпеть не могу безответственности. Особенно от тех, кто способен на большее.

Лифт вдруг дёрнулся, звякнул и замер. Свет лампочки

тревожно мигнул и погас, оставив нас в полумраке аварийной подсветки. Тишину нарушил лишь тихий гул застрявшего механизма.

— Прекрасно, — сдавленно произнёс Медведев. — Идеальное завершение идеального утра.

Паника, на этот раз совсем другого свойства, кольнула меня под ложечкой. Теснота, темнота, он. Я потянулась к кнопке вызова, но её свет не загорался.

— Ой, мамочки, — пропищала я, — мы что застряли?

— Вероятно, — буркнул он и нажал на какую-то кнопку, отодвинув меня от табло с кнопками. Получилось неуклюже и я недовольно фыркнула.

— Думаете, это я виновата? — не выдержала я.

— Не исключаю. Ваш талант к созданию хаоса безграничен.

Мы замолчали. Секунды тянулись в тяжёлой, неловкой тишине. Чтобы разрядить обстановку, я, сама не зная зачем, выдавила:

— Кстати, о пациенте в седьмой палате. Вчерашние анализы... я считаю, дозу антибиотика можно было бы снизить. Функция почек восстановилась лучше, чем мы ожидали.

Он медленно повернулся ко мне в полутьме.

— На каком основании? — голос его был ровным, профессиональным.

— На уровне креатинина. Он упал на тридцать единиц. И диурез в норме. Мы рискуем получить грибковую инфекцию

на фоне такой дозы.

Завязался спор.

Сначала сдержанный, потом всё более горячий. Мы сыпали цифрами, названиями препаратов, ссылались на исследования. Забыли о застрявшем лифте, о вчерашней перепалке на крыльце.

Это был чистый, острый азарт профессионалов. Он оспаривал мои доводы, я парировала. Мы стояли совсем близко в тесном пространстве, и наши голоса, вначале холодные, теперь звучали горячо, почти страстно.

— Вы упускаете из вида возможную резистентность! — сказал он, и в его глазах, слабо освещённых зелёным светом аварийной лампы, горел настоящий огонь.

— А вы — индивидуальную чувствительность! — ответила я, не отводя взгляда. — Мы лечим не показатели, а человека! Разве вы не об этом говорили?

В этот момент свет аварийной лампы потускнел, на мгновение погрузив нас в почти полную темноту. Что-то щёлкнуло. Не в лифте. Внутри меня...

Резкий спор оборвался на полуслове. Внезапно наступившая темнота стала густой, осязаемой. Я слышала только его дыхание, совсем рядом. И своё, сбившееся.

— Маша, — его голос прозвучал совсем иначе. Низко, хрипло. Не как начальника, а как того мужчины из бара.

Я не успела ответить... а быть может не знала, что отвечать.

Его пальцы нашли моё лицо в темноте. Прикосновение обожгло, а затем его губы слились с моими. Это был не нежный поцелуй, а взрыв страсти. Напряжение, злость, ярость и запретное влечение, копившиеся дни, вырвались наружу.

Я ответила ему с такой же силой, впившись пальцами в ткань его халата. Он срывал с меня одежду, я тянула за застёжки его халата, не замечая ни шума ткани, ни звука упавшей сумки о стену кабины.

Его руки были тверды и точны, как в операционной, но сейчас они выполняли другую работу, сметая все преграды. В темноте лифта, затерявшегося между этажами, не осталось ни начальника, ни студентки. Осталась лишь безумная, жадная потребность друг в друге, которая заглушала всё: стыд, разум, осторожность.

– Нельзя, – прошептала я, когда его рука вдруг скользнула мне под пояс джинсов.

Хорошие мои, еще одна новиночка нашего Литмоба!

Неотложка для разбитого сердца

<https://litnet.com/shrt/H3hE>

8. День рождения. У него?

— Почему нельзя? — его шёпот обжег моё ухо, густой и вязкий, как патока. — Потому что я твой куратор? — Он отстранился на дюйм, и его глаза, привыкшие к полумраку, отражали тени и озорные искры. — Или потому что... — он сделал театральную паузу, — ...двери могут открыться?

Ирония судьбы оказалась злой и стремительной. Его слова ещё висели в воздухе, когда лифт громко шелкнул, будто кто-то выключил свет прямо у нас над головами. Загудел мотор, и яркий, почти хирургический свет ламп вспыхнул под потолком, ослепляя после темноты. Двери с громким шипением разъехались в стороны, обнажая стерильный, коридор пятого этажа, залитый холодным светом.

Мы застыли, как два вора, пойманных на месте преступления. Всего в двух шагах друг от друга. Воздух между нами был густым от нашего прерывистого дыхания. Моя блузка съехала с одного плеча, обнажая тонкий ремешок майки. Его халат был расстёгнут, и под ним мятая дорогая рубашка, воротник которой я, кажется, успела помять своими пальцами. На его губах — смутный розовый след моей помады. А мои волосы... они, наверное, выглядели так, будто по ним проехался каток.

— Александр Алексеевич! А вот вы где! Опять в бумагах закопались? — раздался впереди нас жизнерадостный, гром-

кий голос. Прямо перед нами как по команде режиссёра плохой комедии, стояла толпа – медсёстры в белых халатах, пара ординаторов, студенты-практиканты. Они несли коробки, обёрнутые в блестящую бумагу, и несколько букетов. Впереди всех – старшая медсестра Тамара Ивановна, с лицом, сияющим как новогодняя гирлянда. – С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ, дорогой наш!

День рождения. У него?

Мир на секунду остановился. Я увидела, как в его глазах, ещё секунду назад тёмных от страсти, мелькнула молниеносная цепочка: шок, раздражение, мгновенная оценка обстановки.

И затем, включилась та самая, ледяная профессиональная маска. Он был первым. Одним плавным, почти незаметным для непосвящённого движением он поправил мою блузку, застегнув ее на верхнюю пуговицу. Другим движением привёл в порядок свой халат. Большой палец незаметно провёл по уголку своих губ, смазав и стерев след помады. Всё заняло не больше двух секунд.

— Спасибо, Тамара Ивановна, – его голос прозвучал абсолютно ровно, спокойно, с лёгкой, дежурной теплотой. Он сделал шаг из лифта, и между нами тут же возникла дистанция. Он даже не взглянул в мою сторону, будто я была частью интерьера, неодушевлённым предметом.

— Да иди ты сюда, именинник! Весь отдел тебя ищет! — Тамара Ивановна впихнула ему в руки огромный букет бе-

лых роз и гербер. — Торт в ординаторской стынет! Свечи не жгут, пока виновника торжества нет!

Меня, оглушённую и растерянную, буквально вытолкали из лифта нахлынувшим весёлым потоком.

Я стояла в стороне, тупо поправляя уже застегнутую блузку, пытаюсь пальцами распутать волосы, чувствуя, как жар стыда и возбуждения медленно спадает, оставляя после себя ватную пустоту и лёгкое головокружение.

Он уходил в толпе, его белый халат мелькал среди других, его спина была прямой и неприступной. Казалось, того, что было секунды назад, и не было вовсе. Была лишь моя галлюцинация, вызванная усталостью и стрессом.

Весь день отделение гудело, как растревоженный улей. В ординаторской действительно царил праздник. На столе красовался огромный торт, украшенный шоколадными скальпелями и сахарной надписью «Самому острому уму и ловким пальцам». Пахло шоколадом, свежей заваркой и радостью.

Медведев стоял в центре, всё так же слегка отстранённый, но вежливый. Он принимал поздравления: коробку с дорогими запонками в виде скрещенных скальпелей, кожаную папку для документов, стильную ручку. Аккуратно разрезал торт на ровные куски, раздавая их всем желающим.

Я забила в самый дальний угол, за чашкой чая без сахара, пытаюсь стать невидимкой. Он ни разу не посмотрел в мою сторону. Ни одним намёком, ни одним взглядом не выдал, что между нами что-то произошло. Это было невыноси-

мо. Это было даже хуже, чем если бы он подошёл и при всех устроил разнос. Это равнодушие заставляло сомневаться в реальности утра. Может, мне и правда померещилось?

Когда смена уже подходила к концу, и я, морально истощённая, собирала вещички, чтобы тихо слинять, он поймал меня. В самом неудобном месте – у поста медсестёр, где я вносила последние данные по пациенту в журнал. Хорошо, что там никого не было, а то бы со стыда сгорела.

Тень легла на разлинованные графы, перекрыв свет. Я подняла голову.

Передо мной стоял Медведев без халата. В той же серой рубашке, но с расстёгнутым верхним воротником. На манжетах поблёскивали новые запонки – те самые, серебристые змейки. От него пахло теперь не только его парфюмом с нотами сандала, но и сладковатым шоколадом.

— Красавина, – сказал он тихо. Не «Маша», как в лифте. Снова формальное «Красавина». Но его глаза... В них не было утреннего льда. Там было что-то плотное, сфокусированное, как луч лазера. Он ждал.

— Александр Алексеевич? – я прочистила горло, и голос прозвучал неестественно высоко.

— Все сегодня что-то подарили, – произнёс он, делая небольшую, но очень весомую паузу. Его взгляд скользнул по моему лицу, будто считывая каждую микроскопическую эмоцию. – А от тебя... ничего. Чувствую себя обделённым. Непорядок.

Я растерялась, чувствуя, как по щекам разливается предательский румянец.

— Я... я не знала. Честно. Я бы обязательно... что-нибудь купила... — я запинаясь, чувствуя себя полной душой.

— Я не хочу твой магазинный хлам, — перебил он, понизив голос. Его слова звучали интимно, словно касались моей кожи. Он шагнул ближе, заслоняя меня от пустынного, но всё же опасного коридора. — Я хочу то, что мы не доделали утром. Единственный подарок, который меня интересует, — это ты.

**
 Хорошие мои, еще одна новиночка нашего Литмоба!**

Бывший. Незалеченные раны

<https://litnet.com/shrt/Svp7>

9. Я знаю, что ты можешь все, Маш.

— *Единственный подарок, который меня интересует, – это ты.*

Эти слова вибрировали в воздухе, и моё сердце на секунду замерло, прежде чем забиться с новой, бешеной силой. Всё внутри кричало «да». Но что-то другое, более глубокое и упрямое, заставило меня отступить на шаг.

— Александр Алексеевич, – я сказала твёрже, чем чувствовала. – Это... очень лестно. Но у меня сегодня другие планы.

На его лице мелькнуло неподдельное удивление. Видимо, он привык, что его желания – закон. Ожидал капитуляции, а не отпора.

— Какие планы могут быть важнее моего Дня рождения? – спросил он, и в его голосе снова зазвучала лёгкая, но уже опасная насмешка.

— Мы с девочками идём в бар, – выпалила я, и тут же мысленно поблагодарила одноклассников, которые вчера действительно звали меня «куда-нибудь сходить». – Как раз-таки отмечать день рождения любимого куратора. Коллективно.

– Ах вот оно что? Коллективно значит? То есть интима не будет?

– Никакого интима, – я отрицательно покачала головой. Такое ощущение, что он только об этом и думает. Извращенец!

Он смерил меня долгим, оценивающим взглядом, словно прочитал мысли. Казалось, он пытался понять, блефую ли я.

— Ясно, – наконец произнёс он, и его губы тронула та самая, холодная усмешка. – Веселитесь. Но помните – завтра в восемь утра обход. И я не делаю скидок на похмелье.

Он ловко развернулся и ушёл, оставив после себя шлейф загадочности и сексуальности.

– О мой Бог, – прошептала я и выдохнула, чувствуя странную смесь гордости и сожаления. – Как же он хорош.

Бар «Анатомика» был нашим факультетским фаворитом. Мы ввалились туда шумной компаний девочек, и я действительно постаралась забыться. Смеялась над глупыми шутками, танцевала под зажигательную музыку, поднимала тосты «за самого строгого, но справедливого Медведева!».

С каждым коктейлем напряжение дня таяло, сменяясь лёгкой, приятной эйфорией.

Именно в такой момент, когда я пробиралась обратно к нашему столику с двумя новыми порциями мохито, ко мне

подошёл какой-то мужик. Крупный, с нагловатой улыбкой и стеклянным взглядом. От него жутко несло перегаром и сигаретами. От одного этого запаха меня чуть не вывернуло.

— Эй, красotka, одна? Скучно тебе с этими ботаниками? — Он взял меня за локоть, и его хватка была слишком крепкой, слишком уверенной. — Идем со мной.

Я попыталась вежливо освободиться.

— Нет, спасибо, я со своими. Отпустите.

— Да ладно, посиди с нами, — он настойчиво потянул меня к своему столику, где сидела пара таких же развязных типов. — Угощу чем покрепче. Расслабишься наконец-то.

Паника, острая и холодная, пронзила алкогольный туман. Я попыталась вырваться по-настоящему, но его пальцы впились в руку.

Девчонки за нашим столиком были заняты собой и новыми поклонниками. Похоже, никто из них не замечал, что со мной происходит. Блиииин!

И тут он появился. Я почувствовала его всем телом — волоски на коже встали дыбом. Медведев словно вышел из тени, потому что я даже не заметила, как он вошёл в бар.

В тёмной рубашке с расстёгнутым воротником, без пиджака. Его лицо было каменным.

— Руки убрал, — его голос был негромким, но он пробился сквозь шум музыки и разговоров, как лезвие.

Приставала обернулся, оценивая нового «соперника». Увидел холодные глаза, уверенную осанку, дорогую рубаш-

ку. Но выпивший наглец был не из трусливых.

— А ты кто такой? Её папочка? – усмехнулся он, почуяв себя смелым. – А ну, отвали!

Медведев не стал спорить.

Он просто быстрым, точным движением – тем, которому учат на курсах самозащиты, а не в медицинском – взял его за запястье и заломил руку за спину. Тип ахнул от боли и неожиданности. Согнулся пополам.

— Я сказал, убрал от нее свои поганые руки, – повторил Медведев ледяным тоном, отпустив его и оттолкнув прочь. Он посмотрел на него так, что стало ясно — ничего хорошего ждать не стоит. Тот, что-то бормоча себе под нос, и потирая руку, быстро отошел к своему столу.

Медведев повернулся ко мне. Его лицо смягчилось, но лишь на градус.

— Готова уходить? Или планируешь ещё испытывать судьбу?

Я, всё ещё дрожа от адреналина и алкоголя, смогла только кивнуть. Он взял мою сумочку и куртку, кивнул моим ошарашенным друзьям и вывел меня на прохладную ночную улицу.

– Садись в машину, – сказал он мне, открывая дверь.

Я притихла, глядя в окно, чувствуя себя одновременно благодарной и нелепой.

— Спасибо, – прошептала я наконец.

— Не за что, – отозвался он, не глядя на меня, заводя ма-

шину. — Я не мог позволить, чтобы мою лучшую студентку обидел какой-то увалень.

«Лучшую студентку».

От этих слов внутри стало тепло и странно щекотно.

Когда он привёз меня домой, то припарковался и вышел из машины вместе со мной.

— Я могу... ик... и сама дойти, — проворчала я.

— Я знаю, что ты можешь все, Маш. Но все же, я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось, — заявил он, не оставляя пространства для возражений, — поэтому я доведу тебя до двери.

Мы молча поднялись на мой этаж. Я с трудом выудила ключи из сумочки, руки дрожали. Он молча взял их у меня, безошибочно выбрал нужный, открыл дверь в мою небольшую съемную квартирку. И аккуратно втолкнул меня внутрь.

А затем...

Вместо того чтобы передать ключи и уйти, он переступил порог, вошёл внутрь и... закрыл дверь за собой. Щёлкнул замок.

Что? Простите!

В полутьме прихожей я видела только его силуэт и блеск глаз. Мой пьяный мозг медленно соображал, что происходит.

Медведев медленно приблизился, отрезая мне путь к отступлению. Его палец приподнял мой подбородок, заставив

встретиться с его взглядом. На его губах играла не улыбка, а нечто другое – торжествующее, хищное и очень уверенное.

— Я предупреждал, – прошептал он так тихо, что я скорее прочла это по его губам. – Игра пошла по моим правилам. И теперь, – он сделал паузу, давая словам проникнуть в самое нутро, – теперь ты моя.

**
 Хорошие мои, встречайте! Еще одна новинка нашего Литмоба!**

Бывшие. Противопоказано влюбляться

<https://litnet.com/shrt/Qtdl>

– То есть твой муж тебе изменяет, а козел тут я? – вскидывает бровь Сабуров.

 – Не надо тут приплетать мою личную жизнь! – закипаю я. – Ты отобрал моего пациента! Еще и под сомнение мою компетентность поставил. Ты поэтому козел, а не потому что сплетни по отделению собираешь!

 Сабуров насмешливо фыркает:

 – Собираю? Да об этом вся больница гудит. Тяжело, знаешь ли, игнорировать очевидное. Одна ты тут слепо-глухо-немой прикидываешься.

 – Тебя это вообще не касается! Чего ты добиваешься, Сабуров? Мстишь за то, что я тебя когда-то отшила?? Что, ранимая душа мажора так и не смогла смириться, что ему отказали? – фыркаю я, копируя его насмешливый тон. – Так не надейся, у тебя ничего не получится, за отделением все равно я стану, а не ты!

 Во взгляде бывшего мелькает недобрый огонек и в следующую

секунду он пригвождает меня к стене.

 – Осторожнее на поворотах, Ковалева. Не забывай, я всегда получаю то, чего хочу. Неважно, ты это или должность. Так что аккуратнее, а то вдруг опомниться не успеешь, как уже подомной в постели окажешься.

10. Дурная голова.

— *Теперь ты моя.*

Торжествующая улыбка на его лице замерла, превратившись в каменную маску, когда моё собственное лицо исказила гримаса. Волна тошноты, горячая и неумолимая, подкатила к горлу, сметая весь флёр романтики, опасности и похмельного возбуждения.

— Ой... — только и успела я выдохнуть, прижав ладонь ко рту.

Его уверенность сменилась мгновенной, профессиональной оценкой ситуации. В его глазах я увидела не разочарование, а ту самую холодную собранность, с которой он смотрит на пациента в предоперационной.

— Ванная слева? — быстро спросил он, уже отводя меня от себя и открывая первую попавшуюся дверь.

К счастью, он угадал. Я вползла в маленькую ванную, едва успевая. Позор, адреналин от ситуации в баре, алкогольная смесь мохито и чего-то ещё — всё это с шумом покинуло мой организм. Мир сузился до холодного фаянса и собственных рыдающих всхлипов.

Когда судороги прекратились, я, слабая и дрожащая как осиновый лист, прислонилась к прохладной кафельной сте-

не. Лоб был мокрым от пота, во рту стоял отвратительный привкус. И сквозь физическую слабость пробивалось жгучее, всепоглощающее чувство стыда.

Его победное «теперь ты моя» обернулось жалким фарсом. Я была не соблазнительной добычей, а проблемным пациентом, нуждающимся в санитарной обработке.

Дверь приоткрылась без стука. Он стоял на пороге, заливая светом из прихожей всё моё унижение. На его лице не осталось и тени торжества, только сосредоточенная строгость. В руке – стакан с чистой водой и долька лимона. Откуда? Неужели он нашел его в холодильнике?

— Прополощи рот, – приказал он, протягивая стакан. Никакого сочувствия в голосе.

Я послушно взяла стакан дрожащими руками, не в силах поднять на него глаза. Полоскала, выплёвывая, чувствуя, как он наблюдает за каждым моим движением с холодной клинической оценкой. Потом он взял моё лицо в ладони – не нежно, а уверенно, как фиксируют голову для осмотра, – наклонил к раковине и помог умыться. Его пальцы были точны и безличны. Он вытер моё лицо полотенцем, которое нашёл на полке, тем же движением, каким вытирал бы инструмент.

— Дурная голова, – прозвучало над моим ухом, когда он, взяв меня под локоть, повёл в спальню. В его голосе сквозила не злость, а раздражённая усталость, как у дежурного врача, к которому привезли очередного отравившегося студента. – Сколько ты там выпила, чтобы отметить мой день рождения?

— Достаточно, — прохрипела я, позволяя ему усадить себя на край кровати. Силы сопротивляться не было. Было только желание провалиться сквозь землю.

Он наклонился, снял с меня туфли одним ловким движением. Уложил меня на спину, накрыл лёгким пледом, который нашёл на стуле. Он делал всё быстро и чётко, без малейшей нежности или заботы. Потом он сходил на кухню, и я слышала, как течёт вода. Вернулся с новым стаканом, поставил его на тумбочку с таким стуком, что я вздрогнула.

— Пей. Маленькими глотками. И не вставай, — скомандовал он.

Я повернула голову и посмотрела на него. Он стоял у кровати, скрестив руки на груди, и смотрел на меня. Не как на женщину. Как на сложный и непредсказуемый клинический случай.

— Я... прости, — прошептала я.

— Не за что, — он покачал головой, и уголок его губ всё же дрогнул, но это была не улыбка. — Живой учебный материал. Наглядное пособие по токсикологии. А теперь спи.

Он поправил одеяло, выключил свет на тумбочке и вышел из комнаты, плотно закрыв дверь. Я слышала, как он ходит по квартире — заглянул на кухню, проверил, закрыта ли входная дверь. Потом шаги затихли.

Я думала, он ушёл. Но через некоторое время дверь приоткрылась снова, и в щель проник луч света. Он не вошёл. Он просто стоял там, в дверном проёме, несколько долгих

секунд. Я притворилась спящей, затаив дыхание. Проверял, дышу ли я. Убедившись, что жива и не в коме, он так же тихо, без единого звука, закрыл дверь. Через минуту я услышала, как щёлкнул замок входной двери. Он ушёл. Без слов. Без прощания.

Наутро я проснулась с тяжёлой, но чистой головой. На тумбочке стоял тот же стакан, уже наполненный свежей водой, и две таблетки аспирина. Рядом лежала записка, написанная его размашистым, уверенным почерком:

Я взяла её. Бумага была плотной, дорогой. Его почерк — размашистый, агрессивно-уверенный, будто вырезанный скальпелем.

«Обход в 8.00. Не опаздывай. И впредь — знай свою меру. А.М.»

Хорошие мои, еще одна новинка нашего Литмоба!

Пульс разбитого сердца

<https://litnet.com/shrt/Ts1F>

11. Я хочу его соблазнить...

«Обход в 8.00. Не опаздывай. И впредь – знай свою меру.

А.М.»

Я впилась взглядом в записку, пока буквы не поплыли перед глазами. «Знай свою меру». От этих слов внутри всё сжалось в комок стыда и досады. Он видел меня слабой, жалкой, неконтролируемой. И теперь этим приказом напоминал о границах, которые я так отчаянно пыталась стереть.

Я собрала себя по кусочкам — ледяной душ, крепкий кофе, максимально строгий пучок и безупречно выглаженный белый халат. Маска спокойствия и собранности должна была скрыть всё. В восемь ноль-ноль я уже стояла в строю студентов, бледная, но с идеально прямыми плечами.

Медведев вышел из ординаторской. Его взгляд скользнул по шеренге, на долю секунды задержался на мне. Я приготовилась к очередной саркастичной ремарке, к уколу. Но его глаза, холодные и оценивающие, просто констатировали факт: «жива, функционирует». И двинулись дальше.

Обход прошёл тихо. Он не задавал мне вопросов. Не бросал вызов. Он говорил с другими студентами, давал указания медсёстрам, а я была тенью, стараясь не привлекать внимания. В какой-то момент, когда я зевнула, не сумев сдержать усталость, он, не прерывая разговора с ординатором, кивнул в мою сторону.

— Красавина, после обхода займёшься заполнением карт в ординаторской. Остальные – на процедуры.

Это не было наказанием. Это был шанс отдохнуть и прийти в себя. Я молча кивнула в ответ.

Сидя в пустой ординаторской за грудями историй болезни, я чувствовала странную пустоту. Его равнодушие жгло сильнее любого унижения. Вдруг дверь с шумом распахнулась, и на пороге появилась моя подруга Ангина (так я называла Аньку, когда мы были наедине). Её лицо пылало, глаза сияли.

— Маш! Ты тут, а я тебя везде искала! — Она запыхавшись опустилась на стул рядом. — Ты вчера как? Я слышала, ты с Медведевым уехала? Это правда?

— Правда, – буркнула я, уткнувшись в карту. – Ничего интересного. Отвёз домой, потому что мне стало плохо.

— Ой, бедняжка! – Аня на секунду сменила восторг на сочувствие, но тут же снова вспыхнула. – Слушай, а у меня тут... кое-что случилось!

Она понизила голос до конспиративного шёпота, хотя вокруг никого не было.

— Помнишь, он меня позвал к себе в кабинет? Посмотреть гистологические снимки?

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Кивнула, не отрываясь от бумаг.

— Ну вот, — Аня застенчиво улыбнулась. — Я пришла, такая вся... ну, знаешь. Подкрасила глаза и губы немного,

волосы распустила, пуговичку блузки чуть расстегнула, ну чтобы он впечатлился. Зря что ли у меня третий размер?

Я подняла глаза и уставилась на раскрасневшую подругу.
— И?

— А он... — она сделала драматическую паузу, — он просто положил передо мной папку с историей болезни какой-то тётки, сказал: «Разберитесь с выпиской», развернулся и ушёл на экстренный вызов! ВСЁ!

Я усмехнулась, хотя внутри меня танцевали румбу сердце и остальные органы. В её рассказе не было ни намёка на романтику или близость. Была чистая рабочая ситуация.

— И... что дальше? — осторожно спросила я.

— А дальше... — Аня вздохнула, и в её глазах зажглись настоящие звёзды. — Маш, я думаю, я в него влюбилась. Ну, или почти. Он такой... такой невозмутимый. Такой уверенный. И этот взгляд... Он же на меня специально так посмотрел, когда звал! Это был знак! Наверняка, испытывает меня на прочность.

Мне стало неловко. Она строила воздушные замки на пустом месте, не зная, что между мной и этим «невозмутимым» человеком уже успели промелькнуть искры, борьба и откровенный позор.

— Аня, он просто... работал. Он на всех так смотрит, — попыталась я осторожно охладить её пыл.

— Нет! Со мной было по-другому! Я видела, — она уверенно потрянула головой. — И знаешь... я хочу... я хочу его

соблазнить.

Я чуть не поперхнулась воздухом.

— Что? Аня, ты с ума сошла? Он же наш куратор! Это же...

— А что такого? — она перебила меня, её глаза блеснули азартом. — Он мужчина, я девушка. А между сексуальным мужчиной и соблазнительной девушкой часто случаются чувства. Особенно в больнице. Понимаешь?

— Неа, — отрицательно покачала головой, — не очень. Мы же врачами собираемся стать.

— Одно другому не мешает, — хихикнула Ангина. — Ну так что, ты мне поможешь? Ты же умная, ты его лучше знаешь. Посоветуешь, как подойти, что сказать... Ой, Маш, пожалуйста! — она схватила меня за руку. — Ты же моя лучшая подруга!

Я смотрела на её сияющее, полное наивных надежд лицо и чувствовала, как внутри всё переворачивается. Она просила меня помочь завоевать человека, с которым у меня самой была эта странная, запутанная, полная напряжения связь. Человека, который прошлой ночью вытирал мне лицо, а утром оставил холодную записку. Человека, которого я боялась и желала одновременно.

«Теперь ты моя», — прошептал он тогда в темноте. Но как было на самом деле? И что я теперь должна ответить своей подруге, которая смотрела на меня с такой безграничной, глупой верой?

— Я... я подумаю, Ань, — с трудом выдавила я, отводя взгляд. — Мне еще карты заполнять.

— Я тогда попозже зайду, — спохватившись, она резко вскочила и вильнув хвостиком подбежала к двери. Только сейчас я заметила, что обычные брюки под халатом сменились на мини-юбку, открывая ее стройные ножки. А насколько я помнила из слухов, Медведев был известным бабником и ловеласом. А если это правда, то он быстро переключится с меня на Аню. Вот тогда это будет полное фиаско.

Хорошие мои, еще одна новиночка нашего Литмоба!

Проблема для хирурга. Это (не) любовь

<https://litnet.com/shrt/Hrbh>

12. Вы всегда такой... безупречный?

После того как за Аней захлопнулась дверь, я ещё долго сидела, глядя в одну точку в истории болезни. Буквы расплывались.

«Третий размер», «соблазнить», «бабник и ловелас» – всё это крутилось в голове, как бельё в стиральной машине. Я тряхнула головой и заставила себя работать.

Остаток смены прошёл на удивление спокойно.

Я заполняла карты, разносила анализы, пару раз заваривала чай для уставших медсестёр. Медведев больше не появлялся. Или я просто перестала искать его глазами в коридоре.

Перед самым уходом я вспомнила про Витьку. Мой сосед-металлист, чей аппендикс мы вчера благополучно эвакуировали. Я решила заглянуть в седьмую палату, тихо прикрыв за собой дверь.

Витька лежал, уставившись в потолок, и, кажется, тихо подвывал песню «Цементного рассвета» беззвучным шёпотом. Увидев меня, он дёрнулся, зашипел от боли в шве и замер.

— О, Мария... Здравсьте, – прохрипел он. – Вы ко мне?

— Проведать зашла, – я присела на край стула, стараясь

не смотреть на него как на пациента. — Как самочувствие, Вить?

— Да норм, — он осторожно пощупал повязку. — Ребята из группы приходили, автограф просили на шве оставить. Типа, теперь я легенда — выжил после аппендицита под «Цементный рассвет». Представляете?

Я улыбнулась.

— Представляю. Ты, главное, не пей пока и не таскай тяжёлое. И гитару свою не поднимай хотя бы недели две.

Витька вдруг перестал кривляться. Его лицо стало серьёзным, даже немного виноватым.

— Слушай, Маш... Я это... — Он мялся, теребя край больничной простыни. — Помнишь, недели две назад, я там в подъезде на тебя наорал. Насчёт музыки.

Я помнила. «Ещё раз постучишься, я тебе эту дверь в одно место засуну».

Классика жанра.

— Забудь, — махнула рукой я. — С кем не бывает.

— Да нет, ты послушай, — он упрямо нахмурился. — Я тогда на нервах был, сольник провалили, басист сбежал... В общем, придурком был. А ты меня спасла. И вообще... — Он покраснел, и румянец на его небритом лице выглядел странно. — Если хочешь, я буду играть тише. Или куплю наушники. Или сделаю звукоизоляцию в квартире.

Я не выдержала и рассмеялась.

— Вить, ты главное поправляйся. А музыку... ну, музыку

я переживу.

Он облегчённо выдохнул и расплылся в благодарной улыбке. Я оставила его перебирать в телефоне плейлисты и выскользнула в коридор.

И почти сразу встретила в Медведева.

Он стоял у поста медсестры, изучая какие-то графики, и, услышав шаги, поднял голову. Наши взгляды встретились. В его глазах не было вчерашней страсти, не было и сегодняшнего ледяного безразличия. Было что-то... усталое. И внимательное.

— Красавина, – сказал он, откладывая папку. – Закончили уже?

— Да, – я старалась, чтобы голос звучал ровно. – Уже домой собиралась.

Он посмотрел на часы, потом на меня. Сделал короткую паузу, будто принимал решение.

— Что делаете сегодня вечером?

Сердце пропустило удар. Я вспомнила его вчерашнее «приходи ко мне», свой дурацкий побег в бар, сегодняшнюю записку. Вспомнила Аню с её горящими глазами и расстёгнутой на блузке пуговицей.

— Ничего, – честно сказала я. – Просто выплюсь, наверное.

— Могу проводить, – он сказал это так, будто предлагал стандартную услугу. Но в уголке его губ дрогнула та самая, едва уловимая усмешка. – Если не боитесь опасных поездок.

Я усмехнулась в ответ.

— Сегодня, кажется, не боюсь.

Мы вышли из больницы, и вечер встретил нас прохладой и запахом мокрого асфальта. Прошёл дождь, и воздух был чистым, почти хрустальным. Медведев, к моему удивлению, не повёл меня к машине. Мы молча дошли до угла, где стоял небольшой кофейный киоск с ярким жёлтым зонтом.

— Кофе? – спросил он.

— С карамелью, – ответила я.

Он купил два стакана и ещё, подумав, взял два хот-дога. Протянул один мне. Горячий и аппетитный

— Ты ужинала?

— Не успела, – честно призналась я.

— Я знаю, – подмигнул мне и откусил кусок хот-дога.

Мы шли по вечерней улице, и это было странно – видеть его не в белом халате, не в напряжённой позе хирурга у стола, а вот так, с бумажным стаканом в руке, жующим хот-дог. Я смотрела на него и вдруг не выдержала.

— Вы всегда такой... безупречный? – вырвалось у меня.

Он поднял бровь.

— В каком смысле?

— Ну, – я замялась. – Всегда знаете, что делать. Всегда контролируете ситуацию. Всегда...

— Не всегда, – перебил он. И после паузы добавил: – Вчера я не контролировал... себя и ситуацию тоже.

Я прикусила губу.

— Вчера... я облажалась. Простите.

— Не извиняйся, Мария, – он посмотрел на меня, и в его глазах снова мелькнула та самая искра. – К тому же, я сам виноват. Не надо было давить. Я... отвык от того, что мне отказывают.

— И как? Часто отказывают? – спросила я с притворной невинностью и улыбнулась.

Он фыркнул.

— Вы слишком много обо мне знаете, Красавина. Это опасно, – хмыкнул он и посмотрел так, что у меня подогнулись колени. Какой же он все-таки красивый, а еще невероятно опасный.

Мы рассмеялись.

И как-то само собой разговор перетёк в другое русло. Он рассказывал о своей первой операции, когда у него дрожали руки и он чуть не уронил зажим. Я рассказала, как на первом курсе в медицинском институте перепутала мужчину с трупом в морге и полчаса извинялась перед ним, пока не поняла, что он мёртвый и не может обидеться.

— Ты удивительная, – сказал он, когда мы остановились у моего подъезда. – Совершенно, беспросветно невыносимая, но удивительная.

Я не знала, что на это ответить.

Вечерний воздух вдруг стал густым, словно сироп. Он выбросил пустой стакан в мусорку и повернулся ко мне. Его руки легко коснулись моего подбородка, но на этот раз в его

движении не было ничего медицинского или настойчивого. Просто вопрос.

Он наклонился и нежно поцеловал меня. Это было медленно и осторожно, как будто он пробовал кофе с карамелью. Я закрыла глаза и просто наслаждалась моментом. Без всяких игр, борьбы или попыток что-то доказать.

Он отстранился ровно настолько, чтобы видеть мои глаза.
— Я могу зайти? – спросил он тихо.

Хорошие мои, у меня для вас еще одна рекомендация книги нашего медицинского Литмоба!

Профессия: лечить. Диагноз: ненавидеть / любить

<https://litnet.com/shrt/gTXS>

13. Ты не перестаёшь меня удивлять, Красавина.

Я смотрела в его глаза, чувствуя, как внутри разливается тепло от его поцелуя, и уже открыла рот, чтобы ответить «да», как вдруг...

— Машуна! Золотце! Какая встреча!

Из-за угла дома вынырнул запыхавшийся сосед Константин Иванович с пятого этажа, а следом за ним, виляя хвостами и путаясь в поводках, неслись два рыжих кокер-спаниеля. Моська и Доська. Мои любимые клиенты по выгулу.

Сосед, сияя улыбкой, подошел к нам, даже не обратив внимания на Медведева. Вручил мне поводки, и собаки тут же принялись прыгать на меня, пытаясь лизнуть в лицо.

— Девочки мои, соскучились! – я присела, чтобы почесать их за ушами, и они радостно завиляли хвостами, забыв о существовании хозяина.

— Машуль, привет! Ты как? – Дядя Костя перевёл дыхание. – Я тебе звонил, но ты не брала трубку. Дай, думаю, пойду собак выгуляю, может, встречу тебя. И надо же – встретил!

Я выпрямилась, держа в одной руке поводки, в другой – остатки хот-дога, и поймала взгляд Медведева. Он стоял, прислонившись плечом к стене подъезда, и с непередаваем-

мым выражением лица наблюдал за этой картиной. В его глазах читалось что-то среднее между изумлением, насмешкой и любопытством.

— Константин, — представился сосед, наконец заметив Медведева и протягивая руку. — С пятого этажа. А вы, видимо, Машунин... друг?

— Александр, — коротко ответил Медведев, пожимая руку. Его взгляд скользнул по мне, по собакам, по соседу и снова остановился на мне. В уголке его губ дрогнула та самая усмешка. — Машуня, значит?

Я почувствовала, как щёки заливают краска. Константин Иванович, не замечая напряжения, уже тараторил дальше:

— Слушай, у меня к тебе просьба! Мы с Ленкой в отпуск улетаем на следующей неделе, на семь дней. Не возмёшь девочек на передержку? Я заплачу, как обычно. Ты же знаешь, они тебя обожают. Им с тобой лучше, чем в любой гостинице.

Моська, будто понимая, о чём речь, ткнулась носом мне в ногу и жалобно заскулила.

Я вздохнула. Деньги были нужны. Сестра в другом городе писала вчера, что бабушке опять нужны лекарства. Каждая копейка на счету.

— Хорошо, дядь Кость, — кивнула я. — Присмотрю, конечно.

— О, спасибо! Ты чудо! — Константин просиял, чмокнул меня в щёку, на секунду замер, окинув Медведева быстрым

взглядом, и добавил: – Ну, я побежал, а то Ленка заждалась.
Вечером занесу ключи и вещи девочек!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.